

Начальная школа, в которую мы пошли первоклассниками, помещалась на улице Чаадаева в барачном строении в один этаж. Сейчас на том месте, неподалёку от Нижегородского авиационного технического колледжа, стоит пятиэтажное бело-красно кирпичное здание общежития авиастроительного завода. А в начале пятидесятых, там была школа № 66, где учились только мальчики. Позже здесь разместилась — ШРМ, школа рабочей молодёжи. Там, в ШРМ, получали среднее школьное образование и те из наших ребят, кто после восьмого класса пошёл работать на завод или учиться в музыкальное училище.

В бараке находились *начальные* классы мужской школы. И только, проучившись там года три-четыре, мальчики переходили в то большое здание, где собственно, и была 66-ая школа. Под той же крышей располагилась и женская школа № 69. В неё ходила моя старшая сестра Нелла.

Прошло года три, и мы, мальчишки, перешли в то главное здание.

И вот, в годы хрущёвских преобразований с класса 4-го мы уже стали учиться с девочками. Наши мужские классы поделили на части, к этим частям прибавили части девчачьих классов и, таким образом, появились новые смешанные классы. Теперь и девочки стали учиться в шестьдесят шестой, в недавнем прошлом, мужской школе.

В классе под индексом «А» оказалось большинство моих друзей. А я был определён в класс «Б». Это разделение воспринималось мною настоящей драмой. Мы с папой даже ходили на приём к директору Сергею Павловичу Краснову и просили его сделать так, чтобы я вновь оказался со своими друзьями. Но он как-то мягко убедил отца, что делать этого не стоит, ведь во время занятий надо учиться, а приятельствовать не надо. А вот в перемены, или после занятий ваш сын Саша, — говорил Сергей Павлович, — опять может быть рядом со своими друзьями, и они могут весело проводить часы вместе. Так я остался в классе «Б».

Классные руководители, понятно, у нас были разные. В старших классах, во главе «Б»-класса стояла замечательный педагог-математик ироничная и доброжелательная, остроумная и требовательная Анастасия Сергеевна Михалёва, жена Сергея Павловича. А в параллельном классе «А» — Людмила Александровна Тихонова, учительница русского языка и литературы.

Литературу у нас вела опытный педагог, превосходный методист Надежда Яковлевна Безрукова. Это была крупная светлая дама в строгом синем шерстяном костюме, из-под которого проглядывала блузка с жабо, с золотисто-солнечным отливом довольно длинных рыжих волос, организованных в волнообразную причёску короной, и с пытливым и требовательным взглядом.

Случалось так, что кто-то из педагогов заболел, и тогда коллеги заменяли заболевших. Случалось, что и литературу к нам приходила преподавать Людмила Александровна Тихонова.

Людмила Александровна была смуглолица, невысокого роста, ладно сложена, лицо обрамляли волнистые каштановые с медью волосы, пухлые губы несли яркую помаду. Она походила на цыганку. И действительно, муж её, Владимир Сандлер, с которым я познакомился ближе много позже, однажды рассказывал, как они с Людмилой прошли на одно из закрытых мероприятий Международного Московского кинофестиваля, благодаря тому, что, представившись администраторам-контролёрам актрисой цыганского театра «Ромэн», уверено и свысока произнеся фразу: «Этот человек — со мной», — она величественно проплыла куда надо, прихватив с собой смущающегося супруга. Людмила Александровна была не лишена некоторого авантюризма.

За глаза её звали — «Максимка». Она чем-то напоминала героя одноимённого популярного в 50-ые годы фильма, снятого по мотивам «Морских рассказов» Константина Станюковича. В центре этого фильма был мальчик-негр, которого спасли русские моряки. То была трогательная история...

И ещё мальчишки звали её «Люся...»

Помню, наши встречи с Людмилой Александровной в те времена, когда изучался роман Толстого «Война и мир». Она знакомила нас с творчеством великого писателя как-то иначе, нежели Надежда Яковлевна. Надежда Яковлевна полагаясь на нашу порядочность, предполагала, что её ученики уже прочли те или иные изучаемые в классе художественные произведения. Людмила Александровна думала иначе, и, приходя в класс, давала задание кратко изложить тот или иной эпизод романа. Изложение эпизодов шло последовательно, следуя сюжету автора. Если ты не читал произведение графа Толстого, то сделать это было не возможно. Роман в своё время я не прочёл, и тогда поставил себе цель — каждый день читать по сто страниц. И цели этой я достиг.

Надежду Яковлевну можно было обхитрить. Главное, её ученики должны были понимать то, что излагалось в учебнике. Она требовала учебник знать и понимать его содержание. Она умела спрашивать, умела требовать, и настойчиво учила нас умению составлять планы в изложении сочинений, и разного рода доказательств. Мы чувствовали, что знать предмет, возможно было и без абсолютного знания авторского текста.

Людмила Александровна требовала знания главного — художественной литературы в первоисточнике. И далее, она учила осмысливать литературное произведение, основываясь на его знании. Вот таким было, быть может, первое впечатление от знакомства с Людмилой Александровной и методики её преподавания...

Неожиданно Людмила Александровна сыграла в моей жизни роль исключительную, в определённый момент направившая её по курсу, по которому я двигаюсь, и по сей день. Правда, путь, избранный мною, оказалась не слишком прямым...

Шёл март месяц 1960 года. Девятый класс. Мои приятели Димка Мараяев и Володька Протопопов стали участниками репетиций чеховского спектакля-водевиля в одном действии, который готовила со своими ребятами Людмила Александровна. В самый канун выступления исполнитель главной роли Саня Судаков, который в будущем станет крупным комсомольским деятелем, заболел. Требовалась срочная замена. Выбор по совершенно необъяснимым причинам пал на меня.

Людмила Александровна, думаю, как-то меня знала и, очевидно, могла предположить, что я смогу поправить случившееся...

Дело такое было совершенно незнакомым. Да и свойства характера как-то не устремляли меня к подмосткам. Я был в растерянности. Но отказаться не смог. Не решился! И мгновенная оторопь сменилась предельной собранностью.

В один день, отложив уроки, выучил наизусть весь текст своей роли. Назавтра у меня уже состоялась первая репетиция. Потом было ещё несколько репетиций. Они проходили после занятий. Людмила Александровна показывала нам, откуда надо выходить и объясняла, что мы должны делать на сцене. Наконец, старшая пионервожатая Клара повела нас в Дом культуры, где в костюмерной были подобраны подходящие по размеру костюмы. Мне достался фланелевый фрак розового цвета, в котором я сыграл премьеру.

Играть спектакль оказалось делом не чрезмерно тяжёлым и, надо сказать, приятным. То есть, особенно приятно было выслушивать комплименты. Я чувствовал, что нравлюсь публике. Бацилла театра поразила меня.

Роль тщедушного и нервного старика в этом комическом спектакле играл Димка. Правда на эту роль он не очень подходил, потому что Димка был рослым парнем с могучими ногами, — он долгое время упорно занимался в конькобежной секции и это отразилось на его сложении, — но его тоже хвалили и он стал популярным школьным артистом...

Спектакль мы играли не часто, но регулярно, и даже летом. Играли его в школе, в малом зале Дома культуры, на авиационном заводе, прямо в огромном помещении цеха 64, возили его в Детский дом в Кантаурово (или Каликино), и играли там для воспитанников Дома. Возглавляла группу, старшая пионервожатая, всё та же Клара Фельдман, которая организовывала нам костюмы в ДК. Спектакль публике нравился. Нас дружно благодарили аплодисментами и говорили добрые слова. Даже мама со своей ближайшей подругой тётёй Зоей, матерью Володьки, посмотрели спектакль и отозвались о нём благосклонно. Да! Мы познали успех и школьную славу.

Этот спектакль положил начало нашей школьной театральной карьеры. И Володька, и Димка, и я мы стали знаменитыми на всю школу артистами. Регулярно выступали в концертах, которые организовывала, отмечая разного рода события, Людмила Александровна. С Володькой и Димкой ко Дню Победы мы втроём пели очень популярную послевоенную песню замечательных авторов композитора Бориса Мокроусова и поэта Алексея Фатьянова «По мосткам тесовым вдоль деревни/ Ты идёшь на модных каблучках...». Песня эта рассказывала о любви фронтовиков, вернувшихся с Великой войны в родной дом. Разучивали мы эту песню под пластинку вместе с заслуженным артистом Владимиром Нечаевым. Пластинок этих у Володьки дома был полон диван...

Накануне летних каникул Людмила Александровна начала работу над спектаклем по пьесе Розова «В добрый час».

Пьесу мы хорошо знали по фильму, который в те года часто показывался по телевидению. Героя картины играл обаятельнейший артист Леонид Харитонов. И фильм нам очень нравился.

Главный персонаж пьесы Андрей, роль которого читал Коля Монахов, — выпускник школы. И мы тоже скоро станем выпускниками. И проблемы, которые несла в себе пьеса, были нам понятны. Пьеса неназойливо говорила о становлении молодого человека, ставила серьёзные вопросы о том, что делать после окончания школы, куда идти, какой жизненной дорогой пойдут молодые. Пьеса очень подходила нам...

Мне досталась роль Аркадия, старшего брата главного героя, артиста, который не очень востребован в театре. Драма. И здесь — выбор.

Но работа эта ограничилась только читкой...

Начался новый учебный год. И артистическая концертная деятельность наша продолжалась. В классе «А» я стал уж совсем своим человеком...

Людмила Александровна теперь была моей обязательной партнёршей в вальсах на школьных вечерах. Говорили, что в своё время она училась в балетном классе студии при оперном театре. Мы вихрем летали с ней, отчаянно кружа по физкультурному вместительному залу, в котором

проходили школьные вечера. Она аккуратно крутила головкой во время кружения, задерживая её на мгновение, — «держа точку», как говорят профессионалы, — и мне это очень нравилось. Она была артистична, грациозна и женственна. Её звали — «статуетка».

Как-то в летние теплые денёчки я поехал с её классом на Волгу, на Дрязгу. И вот лежим мы в высокой сочной траве. Рядом плещет Волга. И Людмила Александровна читает нам «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова...

Читала она превосходно. Просто, отлично понимая юмор замечательных авторов, с великолепным внутренним видением излагаемого. И опять, неназойливо погружая нас в восхитительный мир художественного творчества, она знакомила с великой беллетристикой. Людмила Александровна сама любила этот литературный мир и влюбляла нас в него. Она сеяла в наши души семена добра и для многих семена эти попадали в благодатную почву. Она любила своих учеников, и они платили ей тем же...

А потом, она научила нас озорной студенческой песне, которую пела со своими сокурсниками по университету. Начиналась эта смешная песня так

*Великий наш русский писатель,
Граф Николаевич Толстой,
Ни коли не ел он мясного,
Ходил на рыбалку босой...*

Мы над Волгой горланили эту песню, было весело, смешно и прекрасно на душе...

Людмила Александровна была нашим другом, старшим товарищем — умная, красивая и близкая. Нашим Учителем...

18.06.2020 г.